

С. Ф. Васильев

**МОСТ МЕЖДУ МИРАМИ
(ПАРАЛЛЕЛИ И КОНВЕРГЕНЦИИ ТРАДИЦИЙ РУССКОГО
БОГОЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ЗАПАДНОГО ЧЕЛОВЕКОБОЖЕСТВА)**

В XX веке и христианская и гуманистическая духовные традиции претерпели немало трансформаций и пережили немало испытаний. В свете нарастания кризисных тенденций в духовной жизни человечества актуальным становится задача объединения их усилий, налаживании диалога между ними с целью спасения духовной культуры человечества и сохранения прогрессивного вектора его развития.

В этой связи мы считаем целесообразным рассмотреть возможные пути соприкосновения и перспективы синтеза двух традиций – христианства (традиции богочеловечества) и гуманизма (традиции человекобожества). В качестве примеров попыток такого сближения и потенциалов возможного синтеза мы рассмотрим философское творчество русского философа С. Булгакова и идеи радикального гуманиста XX века Э. Фромма. С. Булгаков является выдающимся представителем софиологической традиции в русской философии. Э. Фромм – яркий представитель гуманистической мысли XX века, во взглядах которого переплелись идеи гуманизма, фрейдизма и марксизма.

Оба мыслителя уделяют большое внимание гуманизму как господствующему идейному течению современности и практическим последствиям воплощения его и в практическую жизнь человечества в XX веке.

Трактовка гуманизма у С. Булгакова тесно связана с его философией истории. Она понимается в русле его общего софиологического учения. Задачей исторического процесса является создание совершенного богочеловечества. Это – окончательная мысль Творца о своем творении, идеальная задача, стоящая перед человечеством. При этом человек выступает как взаимодействующее с Богом свободное начало. Мы посланы в этот мир для созидания Царства Божия путем свободной борьбы. «Тем не менее необходимым фундаментом этого царства Божия во всяком случае является свободное человечество, и высвобождение человека в истории, внешняя человеческая эмансипация, которая есть главная задача и главное дело гуманизма, есть необходимое для того условие. Поэтому те, кто трудились на поприще гуманизма, содействуя этой богочеловеческой цели, освобождению личности, принесли свой камень для сооружения Нового Иерусалима».¹

В прошедшей истории С. Булгаков выделяет две крайности, две односторонности: в средние века господствовало мировоззрение богочеловечества без человека, а гуманизм, напротив, культивирует идею человечества без Бога. Гуманизм является шагом вперед в мировом процессе по сравнению со средневековье-

¹ Булгаков С. Религия человекобожия у Л. Фейербаха// Булгаков С. Н. Сочинения в двух томах. Т.2. Избранные статьи. – М.: Наука, 1993 – С.221.

ем. Он подчеркивает самостоятельное значение человеческой личности, обнаруживает в истине богочеловечества новую сторону. Гуманизм, рассматривается С. Булгаковым как религиозный антитезис средним векам, ведущий к подлинному синтезу.

Современное человечество отвергло Бога, но сохранило те стороны христианского учения, которые относятся к человеку. Они и представлены в гуманизме. Любовь к ближнему стала альтруизмом, вера в божественность человека превратилась в человекобожество, вера в спасение человечества превратилась в веру в прогресс. Но, поскольку современное мировоззрение лишается религиозной основы, оно превращается, со временем, в нигилистический индивидуализм. Происходит кризис морали. С. Булгаков отмечает, что, несмотря на большие успехи в развитии материального производства и благосостояния людей духовное состояние эпохи (имеется в виду период, непосредственно предшествовавший первой мировой войне) оставляет желать лучшего. Он отмечает, что наш век могуч, но нет счастья у людей. В душе человека, теряющего Бога образуется пустота. Уныние народов и недоумение – вот основное настроение эпохи. На этой почве развивается леденящий пессимизм.

Э. Фромм также критически оценивает итоги прогресса в XX веке. Он отмечает, что, несмотря на огромные успехи в деле покорения природы люди испытывают разочарование в его результатах. Обещания безграничного прогресса не оправдались. Оказалось, что неограниченное удовлетворение всех желаний не может быть путем к счастью. Люди стали стали винтиками бюрократической машины и рыночной экономики.

Разумеется, Э.Фромм склонен позитивно оценивать гуманистическую традицию. Он не склонен резко противопоставлять гуманистическую традицию и идейные течения средневековья. С его точки зрения, гуманизм Ренессанса, следовавший традиции позднего средневековья, был первым периодом высочайшего расцвета «религиозного» духа после средних веков. В нем с максимальной полнотой были выражены идеи человеческого достоинства и единства человеческого рода как основы всеобщего политического и религиозного единства.

Э. Фромм ставит вопрос: была ли Европа когда-либо действительно христианизирована? Он приходит к выводу, что об этом можно говорить лишь в период между 12 и 16 веками. «Церковники старались навязать христианские принципы в отношении собственности, цен, оказания помощи беднякам. Возникло - главным образом под влиянием мистицизма - множество полуеретических сект и лидеров, требовавших возвращения к принципам Христа, в том числе к осуждению собственности. Решающую роль в этом антиавторитарном гуманистическом движении сыграл мистицизм, достигший пика у Мейстера Экхарта, причем среди проповедников и последователей мистических движений стали выделяться женщины. Многими христианскими мыслителями высказывались идеи мировой религии или просто недогматического христианства; даже библейская идея бога была подвергнута сомнению. Эту линию, начатую в XIII в., продолжали в своей фило-

софии и в своих утопиях гуманисты Возрождения, выступавшие как с теологических, так и с нетеологических позиций. Действительно, между поздним средневековьем («средневековым Возрождением») и собственно Ренессансом нет резкой грани».²

Еще одним периодом великого расцвета гуманизма явилась эпоха Просвещения XVII--XVIII вв. Философия Просвещения была выражением «религиозной установки», свойственной теологии XIII в. Дегуманизация общества вследствие развития капитализма и индустриализма вызвала протест в обществе. Протест левых выразился в радикальном гуманизме. В качестве альтернативы капитализму гуманизм выдвинул идею социализма. Социализм, с точки зрения Э. Фромма, представлял собой синтез средневековой религиозной традиции, постренессансного духа научного мышления и политического действия.

И Э. Фромма и С. Булгакова отличает критическое отношение к традиционным формам христианской религии, к историческому христианству. В средние века, по мнению С. Булгакова, господствовало мировоззрение богочеловечества без человека, или, точнее, помимо человека. В основе средневекового взгляда на человека лежало недоверие к человеку, к его силам, земным делам и интересам. Уход от мира в монастыре считался наиболее правильным выражением богочеловеческой идеи. Хотя в это время было накоплено немало духовных богатств, человеческое начало подавлялось. В средние века церковь господствовала над всем на началах духовного деспотизма. Она отрицала права свободного творчества.

Поэтому и произошел бунт гуманизма против средневекового аскетического мировоззрения, инквизиционного клерикализма, с патриархальной опекой индивида. Гуманисты отошли от религии. Следствием этого стало оскудение самой религиозной жизни, сведенной к общей молитве. Церковная организация стала не творческой, а консервативной и даже реакционной силой.

Официальное православие в России опозорило христианскую религию союзом с монархическим государством, соглашаясь на роль полицейского средства. Черносотенцы же открыто служат белому террору, готовясь истребить всех инакомыслящих.

Э. Фромм также критикует традиционную религию. Однако он склонен различать две разные формы религиозности: авторитарную и гуманистическую. Он критикует именно авторитарную религию. Последняя делает акцент на существовании высшей силы вне человека, которая его контролирует и имеет право требовать от него подчинения, почтения и поклонения. Причина поклонения в авторитарной религии коренится не в нравственных качествах божества, а во власти Бога над человеком. Главной добродетелью авторитарной религии является послушание, главный грех – неподчинение.

² Фромм Э. Иметь или быть? – М.: Прогресс, 1990 – С.145.

Вера в Бога должна служить, по мысли Э. Фромма предохранением от культа предков, тотема или золотого тельца, от регресса к низшим формам духовной жизни. Но религия капитулировала и продолжает вновь и вновь вступать в компромиссы со светской властью, а это приводит к нарушению подлинного религиозного духа. Э. Фромм отмечает, что как только религия становится союзником светской власти, она превращается в авторитарную. Трагедия всех великих религий заключается в том, что они нарушают и извращают принципы свободы, как только становятся массовыми организациями, управляемыми религиозной бюрократией.

Как видим, критический подход обоих мыслителей к традиционной религии имеет несомненные сходные черты.

В 1930 году С. Булгаков произносит речь о догматическом обосновании культуры. В ней он подчеркивает творческий характер природы человека и посредством этого пытается обосновать необходимость культурного творчества. Человек сам себе задан для того, чтобы осуществить в себе Образа Божий. Человек призван быть со-творцом и до-творцом мира, Он продолжает раскрытие божественного замысла о мире. Мир дан человеку проективно. Творчество в человеке – черта божественная. «Задача культуры – дело богочеловечества, т. е. очеловечение мира и обожение человека».³ Под творчеством С. Булгаков понимал всякое искусство в широком смысле этого слова. Он подчеркивает необходимость аскетизма в творческом акте.

По мнению С. Булгакова необходимо объединить мистическую основу, собранную в церкви и человеческую стихию, ищущую полноту жизни. Область религиозной жизни должна проникнуть во все сферы человеческой деятельности. В церкви должно найтись место и для художественной студии, для ученого кабинета, для рабочей мастерской. Нужна церковь творящая, растущая, развивающаяся, пронизывающая всю культуру. «Итак, христианская культура, церковное творчество, направленное *ad extra*, - такова всемирно-историческая задача, которая ставится нашему веку».⁴

В качестве правильной жизненной ориентации Э. Фромм рассматривает продуктивную ориентацию. Это – активная творческая связь человека со своим ближним, с самим собой и с природой. В области действий она выражается в созидательном труде, в качестве прототипа которого Э. Фромм рассматривает искусство и ремесло.

Таким образом, оба мыслителя подчеркивают роль положительную творчества в жизни человека.

³ Догматическое обоснование культуры (Речь о. С. Булгакова на съезде православной культуры). // Булгаков С. Н. Сочинения в двух томах. Т.2. Избранные статьи. – М.: Наука, 1993 - С. 642.

⁴ Христианский социализм (С. Н. Булгаков): Споры о судьбах России. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. – С.75.

Большое значение оба мыслителя уделяют необходимости социальной активности. Христианство, по мнению С. Булгакова не может равнодушно относиться к социальным проблемам. Между тем между общественностью и христианством в истории сложилось, по С. Булгакову, какое-то неправильное разделение. На самом деле, христианство должно работать не только с индивидуальной душой человека. Если история - богочеловеческий процесс, в котором собирается единое человечество, «тело Христово», то для достижения этой цели мало только личного совершенствования, необходима социальная мораль, то есть политика. Для того, чтобы отрицать политику и общественность, нужно отрицать историю, а для того, чтобы отрицать значение истории, нужно отрицать и человечество как целое, рассыпая его единое тело на атомы – отдельные личности; наконец, отрицая целокупное человечество, неизбежно приходится отрицать самое богочеловечество, т. е. отрицать, в конце концов, Христа и христианство».⁵

Норма общественных отношений для христианства дана в заповеди любви к ближнему. Идеал свободы личности и уважения человека к человеку должны быть нормой христианской политики. С. Булгаков подчеркивает: «Эта общая задача – эмансипация личности – дается религией и есть в этом смысле религиозная истина абсолютного характера».⁶ Естественный идеал христианства – свободный союз людей, объединенных любовью в церкви - свободная теократия. Поэтому внешнее принуждение в форме государства чуждо христианским идеалам. Этот идеал прежде не мог быть осуществлен из-за порчи человеческой природы. Стало быть, пока не созрели необходимые условия государство необходимо. Поэтому задача христиан – подчинять государство христианским задачам, добиваться его внутреннего просветления, приближаться к абсолютному идеалу свободы личности, общечеловеческой любви. Никакая из форм политического устройства не есть для христианина цель, а только средство. Какой общественный строй поддерживать – решается, исходя из конкретных условий. Но лучше всего соответствует христианскому идеалу демократическая федеративная республика. Охрана прав личности должна быть аксиомой христианской политики. Бюрократическое же государственное устройство есть, по С. Булгакову, по существу антихристианское.

Э. Фромм также считает, что мыслители, проводники гуманистической религии не должны быть равнодушны к общественным проблемам. Множество своих трудов он посвятил проблеме познания черт нового, более гуманного общества. Функция этого нового общества - способствовать возникновению нового человека, с новой структурой характера.

⁵ Христианский социализм (С. Н. Булгаков): Споры о судьбах России. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. – С. 31.

⁶ Там же, С. 35.

С. Булгаков критически относится к капитализму. В области социальной политики христиане должны осудить порабощение человека человеком, в том числе и экономическое. Стремление к уничтожению неправды капиталистического строя и признание общности имущества за норму имущественных отношений должно быть поддержано христианами. В социальной борьбе христианам необходимо стать на сторону труда. С точки зрения морали капиталистическая эпоха должна быть осуждена. Яд капитализма заключается в том, что в своей хозяйственной деятельности человек может руководствоваться только хозяйственным эгоизмом. Это приводит к деформации души человека.

Э. Фромм также критически относится к капитализму. До капитализма люди считали, что экономика существует для человека, а не наоборот. При капитализме человек порабощен экономикой. В конкуренции, борьбе за успех потерпели крушение общественные и нравственные нормы человеческой солидарности. Капитализм позволяет получать прибыль, не прилагая личных усилий, и не участвуя в производственной деятельности. С точки зрения гуманизма главный грех капитализма заключается в отношении к человеку как к тому, что используют: «человек, живое человеческое существо, перестает быть целью сам по себе и становится средством для обеспечения экономической выгоды другого или своей собственной, или безликого гиганта - экономического механизма».⁷

Согласно Э. Фромму борьба труда и капитала имеет не только социальное значение, но и экзистенциальное, аксиологическое. Капитал как омертвленное прошлое эксплуатирует живую рабочую силу, жизненную энергию настоящего. «Противоречие между капиталом и трудом - нечто гораздо большее, чем противоречие между двумя классами; чем их борьба за большую долю в общественном продукте. Это конфликт двух ценностных принципов: между миром вещей и их накоплением, с одной стороны, и миром жизни и ее продуктивностью - с другой».⁸

С точки зрения осуществления подлинного освобождения человеческой личности социализм оказывается, с точки зрения С. Булгакова, предпочтительнее капитализма. Хотя социализм не осуществляет сам по себе любви между людьми, но «устраняет одну из могущественных причин к ненависти, заключающуюся во внешних формах человеческих отношений, уничтожает одно из важных препятствий, мешающих сближению людей между собой. Социализм возвышает труд.

Однако он ясно видит недостатки современного ему социалистического движения. Атеизм как человекобожество – вот религия современного социализма. И именно из этой религии, а не из непосредственной и простой любви к человечеству проистекает существующий социализм. Кроме того, в атеистическом социализме начинают преобладать гедонистические представления об удобстве и

⁷ Фромм Э. Здоровое общество// Фромм Э. Мужчина и женщина. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. - С. 211.

⁸ Там же, С. 213.

комфорте. Но, по мысли С. Булгакова, должен быть христианский социализм, социализм не во имя человекобожества, а во имя богочеловечества. Он видит в политике выражение высшей правды, исполнение заветов Христовых, исполнение заповеди любви к ближнему. При сходном отчасти теле, два социализма представляют собой две различные души. Христианский социализм есть практическое осуществление заповеди любви в общественных отношениях. Атеистический социализм – средство отгородиться от Бога, устроить жизнь так, чтобы не было и потребности в религии.

С позиций своего нормативного гуманизма Э. Фромм рассматривает различные типы обществ на соответствие их запросам человеческой природы: «Единственным конструктивным решением является социализм, стремящийся к коренной реорганизации нашей экономической и социальной системы в направлении освобождения человека от роли средства для достижения внешних целей, в направлении создания такого общественного порядка, в котором поощряются человеческая солидарность, разум и производительность»⁹.

Фромм предлагает новую версию социализма – коммунитарный социализм. Социализм, в этом понимании, представляет собой неотчужденное общество, в котором каждый работающий человек, активно участвует в производственной и политической активности, сознавая свою ответственность. Принцип совместного управления и совместного принятия решений означает ограничение прав собственности.

Оба мыслителя критически относятся к существующим формам социализма. Если С. Булгаков в начале века имел перед собой лишь социалистическое движение, то Э. Фромм проанализировал практику «реального социализма».

В 1917 году выходит статья С. Булгакова «Христианство и социализм», в которой он обозначает перемену своих взглядов в данном вопросе. Социализм в ней прямо рассматривается, прежде всего, как искушение хлебами. Сила искушения в том, что в нем есть частичка правды. Социализм стремится создать всеобщее благоденствие на Земле. Христианство же не верит в достижимость безмятежного благополучия на Земле

Религиозный соблазн социализма в том, что он считает экономическое освобождение единственным путем спасения человечества. Социализм предлагает освобождение от плена хозяйства, от борьбы за существование, хозяйственных забот, изнурительного труда.

С. Булгаков признает необходимость преодоления плена хозяйства в духовном смысле. Должна быть внутренняя свобода от хозяйства, которую не могут дать никакие хозяйственные реформы. Самое богатое развитие производительных сил может сопровождаться большим духовным пленением человека.

⁹ Фромм Э. Здоровое общество// Фромм Э. Мужчина и женщина. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. – С. 375

Социализм же стремится к сверххозяйственному состоянию, полагая, что человек справится со своей свободой, ведь все порочные наклонности человека происходят из бедности. Сам прыжок из царства хозяйственной необходимости в царство свободы, провозглашаемый социализмом, рассматривается С. Булгаковым как чудо, аналогичное чудесам, описываемым в Библии. Социализм, с этой точки зрения, приобретает черты, сходные с древнеиудейскими мессианскими учениями. Борьба за существование в будущем прекрасном обществе прекратится, и волчья стая превратится в братство.

С. Булгаков обвиняет социализм в мещанстве и буржуазности. Российский социализм он называет социал-буржуйством. Мещанство он определяет как противоположность религиозному мироощущению. Мещанство – болезнь духа, его расслабление и отяжеление. В социализме борьба за свои экономические интересы проповедуется как руководящее начало жизни. Социализм может организовать массы для достижения их элементарных целей, но при этом обедняет их духовно. Для мещанства все исчерпывается интересами и успехами этого мира. Социализм пропитан ядом капитализма, он есть капитализм навыворот.

Социализм грешит тем, что не отрицает капитализм радикально, духовно сам пребывая в капитализме. Социализм, как и капитализм не верит в духовную природу человека, считает, что общество строится только на экономическом интересе. «Для социализма общественное преобразование исчерпывается внешней, прежде всего, экономической реформой, и он без всякого внимания проходит мимо того, что совершается в человеческом сердце».¹⁰

Между социализмом и христианством возможно положительное соотношение. Христианство даёт для социализма недостающую ему духовную основу, освобождая его от мещанства, а социализм является средством для выполнения велений христианской любви, он исполняет правду христианства в хозяйственной жизни». В социализме самом по себе, рассматриваемом как совокупность мер социальной политики нет ничего, что бы не соответствовало христианской морали. Поэтому христианам нет оснований бояться социализма, но можно принять его в качестве благотельной общественной реформы. Но христианство борется с самообольщением социализма. Социализм не в состоянии покончить с причинами зла в мире. Он паллиативен. Его суть - благотворительность. Изменением экономической среды не изменишь природу человека. И при отсутствии нужды останутся страдания, страсти и пороки, скука и грусть, необходимость личного усилия для развития и пр.

Э. Фромм указывает, что результаты социалистического эксперимента, как в СССР, так в западной Европе оказались разочаровывающими. Причина состоит в том, что социалисты сделали акцент на отношения собственности и упус-

¹⁰ Христианский социализм (С. Н. Булгаков): Споры о судьбах России. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. – С.226.

тили из виду проблему отчуждения. «Беды реального социализма вытекают скорее из того, что слишком большое значение придавалось противопоставлению частной и общественной собственности, а также из недооценки человеческих и истинно социальных факторов. Соответственно все шире и понимание необходимости социалистического видения, которое было бы сосредоточено на идее участия рабочих в управлении, на децентрализации и на конкретной функции человека в процессе труда, а не на абстрактном понятии собственности».¹¹

Западные социал-демократы и коммунисты Советского Союза и других стран - превратили социализм в чисто экономическую теорию. Цель такого социализма - максимальное потребление и максимальное использование техники. Таким образом, в реальном социализме антикапиталистические выводы были использованы в капиталистическом духе.

По мнению Э. Фромма, Маркс недооценил сложность человеческих страстей. Он не понял, что человеческая природа сама обладает потребностями и законами, находящимися в постоянном взаимодействии с экономическими условиями, формирующими историческое развитие. Маркс не осознал того факта, что, хотя человек и формируется социальной и экономической организацией, сам он также формирует эту организацию.

Маркс просмотрел иррациональные силы в человеке, которые заставляют его бояться свободы и вызывают в нем жажду власти и стремление к разрушению. В основе Марковского понимания человека лежит предположение о том, что по своей природе человек добр и что эта доброта воцарится, как только падут калечащие его экономические оковы. В этом отношении Маркс и Энгельс так и не преодолели наивный оптимизм XVIII в.

Ошибка заключалась в идее Маркса о том, что обобществление средств производства - не только необходимое, но и достаточное условие для превращения капиталистического общества в социалистическое. Маркс думал, что освобождение от эксплуатации автоматически создаст свободных людей, готовых к сотрудничеству.

С. Булгаков отмечает, что, несмотря на прогресс науки и техники, светской культуры отношения между людьми в современном обществе оставляют желать лучшего. Нет подлинного равенства и братства, внутренней связи между людьми: «не сближение хотя бы внешне и объединяемых людей характеризует нашу эпоху, но отъединение и уединение, какая-то стеклянная, прозрачная, но осязаемая стена разделяет человеческие сердца. Не солидарность, а духовное одиночество, не братство, а убийственный, безвыходный индивидуализм, и не равенство, основанное на внутреннем смирении отдельных лиц, но самомнение и

¹¹ Фромм Э. Здоровое общество// Фромм Э. Мужчина и женщина. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. – С. 418.

жажда власти (Wille zur Macht!) – таково истинное духовное состояние человека». ¹²

Экономический союз, социалистическое государство могут устранить только внешние преграды между людьми. Однако у него нет творческой силы объединения, которую имеет только религиозно-мистический союз веры и любви, утвержденном на реальном мистическом единстве – церкви. Человек спасется, находясь в тесной связи со своими ближними. Насколько индивидуальная душа поворачивается к Богу, и встречается с такими же переживаниями у других людей, сливается с ними в переживаниях, вере, любви она оказывается в церкви, в которой реально присутствует и соединяет Христос. Только такой союз, по мысли С. Булгакова может преодолеть социальные перегородки. Внешнее объединение не устраняет ужасов одиночества и разъединения.

Атеисты же сначала хотят изменить социальные отношения, а потом изменить сознание. Они уверовали в материю и стихию мира как высшие силы, совершенно подчинившие личность. Уединившиеся люди способные к ненависти, но утратившие представления о святой любви вряд ли объединяться только от того, что уничтожат капитализм. «Должна произойти величайшая духовная революция, люди должны восстановить утраченный секрет объединения не только внешнего, механического, но и внутреннего, мистического, не только в общей ненависти или интересе, но и в общей любви, чтобы действительно мог воцариться мир на земле и благоволение в людях». ¹³

Тема отчуждения между людьми - центральная для Э. Фромма. Современный человек, с его точки зрения, по существу одинок, он предоставлен самому себе. Существует только одно чувство, удовлетворяющее человеческую потребность в единении с миром и вместе с тем дающее ему ощущение целостности и индивидуальности, - любовь. Любовь заключается в переживании человеческой солидарности с нашими ближними. Именно единство полярных противоположностей - отдельности и единения - является источником, дающим жизнь любви и возрождающим ее.

Наибольшее различие между христианством и гуманистическим социализмом лежит в области антропологии, в трактовке природы человека. С. Булгаков подчеркивает двойственность и противоречивость человеческой природы с точки зрения христианства. «Человек есть одновременно тварь и не-тварь, абсолютное в относительном и относительное в абсолютном. Он есть живая антиномия, непримиримая двойственность, воплощенное противоречие». ¹⁴

¹² Христианский социализм (С. Н. Булгаков): Споры о судьбах России. – Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1991. – С.71.

¹³ Там же.

¹⁴ Булгаков С. Н.: Свет не вечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994 – С.242.

Человек имеет потенции бога, может обожиться. Полнота Образа Божия присуща только человеку. Бог трансцендентен. В своем самосознании и самоопределении человеческого духа человек также трансцендентен: «Человек трансцендентен миру и в этом смысле свободен от мира, есть не-мир».¹⁵

Человек трансцендентен и самому себе, имеет в себе бесконечную глубину. Человеческий дух невыразим в конечном, отсюда жажда абсолютного творчества. Всякое выхождение духа из трансцендентности в имманентность нисколько его не исчерпывает. Творчество – постоянное самополагание духа, при сохранении его трансцендентности. Искание шедевра и невозможность его найти – вот трагедия и мука творчества без надежды на утоление. Такая трагедия может преодолеваться через любовь и соединение с другими.

По С. Булгакову образ Божий дан человеку, как неустранимая основа его бытия. Подобие Бога человек должен приобрести своими собственными прилежными трудами в подражании Богу. Несоответствие образ и подобия Бога в человеке, его актуальности и потенциальности, наличности и заданности составляет своеобразие человека.

В то же время христианство рассматривает природу человека как больную, поврежденную грехом. Поэтому человеку нужно вести постоянную борьбу с собой, поверять себя по идеалу религиозной жизни. Человек борется со злом в душе своей через подвиг и аскезу. У человека есть абсолютный идеал: быть совершенным как Отец наш небесный. Идеал достигается через подвиг любви и непрерывного самоотвержения. Согласно С. Булгакову, такое понимание человека – наивысшее возвеличивание человека, насколько это возможно.

Гуманистическое мировоззрение же, с точки зрения С. Булгакова, базируется на полном доверии к человеческой природе в ее данном состоянии. Естественное здоровье, гармония, совершенство, по мнению гуманистов, присущи человеку. Все что ему нужно человек может найти в себе, не нуждаясь в сверхъестественной помощи, чуде, благодати. Историю он делает сам как становящийся бог. Гуманисты уповают на то, что все проблемы разрешит поступательное развитие истории – прогресс. Вера в прогресс, в науку заменяет им веру в Бога. Гуманистический социализм верит в беспредельную способность человека к самосовершенствованию, если только для этого создать соответствующие условия. В гуманизме нет мыслей о греховной порче природы человека, о губительной стихии страстей, о трагических противоречиях человеческой природы.

Представления о человеческой природе у гуманистических социалистов, по мнению С. Булгакова бедны по содержанию. Определяющее значение они отводят социальной среде. Вопросы антропологии часто подменяются вопросами о строении общества. Социологизм вместо личности ставит на первое место социальную среду.

¹⁵ Булгаков С. Н.: Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994 – С.243.

«По учению же христианства, есть в человеческой душе нечто, притом самое существенное в ней, что не определяется внешними условиями жизни, а только самим собой».¹⁶ Христианство требует от человека личного подвига.

Эриху Фромму близка мысль о противоречивом характере человеческой природы. Возникновение человека Э. Фромм считает уникальным прорывом, сравнимым с зарождением жизни. В человеке жизнь осознала саму себя. Самосознание и разум разрушили гармонию между человеком и природой. Человек двойственен: «вроде человек вышел из природы – и все же пребывает в ней; он – отчасти божество, отчасти – животное, он и бесконечен, и ограничен».¹⁷ Поэтому для человека недостаточно удовлетворения инстинктивных, биологических потребностей. Дисгармония человеческого существования порождает такие потребности, которые далеко превосходят физические.

Самосознание, разум и воображение разрушили «гармонию», свойственную животному существованию. Все страсти и стремления человека – попытка решить проблему человеческого существования. Подлинное их разрешение – ответ согласующийся со всей совокупностью человеческих потребностей, благоприятствующий раскрытию его возможностей, его счастью.

В положении человека есть еще одна сторона, тесно связанная с потребностью в соотнесенности, - то, что он - существо сотворенное, но у него есть потребность преодолеть это пассивное состояние. Человеком движет настоятельная потребность выйти за пределы роли твари, подняться над случайностью и пассивностью своего существования, становясь «творцом».

Э. Фромм придерживается точки зрения нормативного гуманизма. Такой гуманизм он противопоставляет социологическому релятивизму, который отводит определяющую роль в формировании человеческих качеств общественной среде. Нормативный гуманизм полагает, что у всех представителей вида человек есть не только общие телесные качества, но и психические свойства и законы, а также общие проблемы человеческого существования и стремление к их разрешению.

Э. Фромм также подчеркивает роль личности как отличительную черту человека. Можно определить человека как животное, способное сказать «я» и осознать себя как обособленное существо.

Э. Фромм различает разум и рассудок: Разум - это способность человека мысленно постигать мир, в противоположность рассудку, представляющему собой способность манипулировать миром вещей при помощи мышления. Разум - инструмент человека для достижения истины, рассудок - инструмент для более

¹⁶ Христианский социализм (С. Н. Булгаков): Споры о судьбах России. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. – С.97.

¹⁷ Фромм Э. Здоровое общество// Фромм Э. Мужчина и женщина. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. – С. 149.

успешного обращения с миром; первый - человек по своей сути, второй принадлежит к животному в человеке.

Аналогом поврежденной стороны человеческой природы (как она трактуется в христианстве) является у Э. Фромма признание наличия у человека иррациональных страстей и комплексов. В данном случае гуманистическое мировоззрение было дополнено психоаналитическим взглядом на человека. Поэтому получилась более реалистическая картина человеческой природы.

С. Булгаков видит и серьезные недостатки в существующем гуманистическом мировоззрении. Он упрекает его в гедонистической установке. Гуманность считает злом всякое страдание и хочет человека от него освободить. Христианство же знает об очистительной силе страдания. Есть, конечно, и страдание, притупляющее человека. Но это же может делать и мещанское благополучие.

Христианство же несколько отчуждено от мира. Христианская любовь и гуманность – разные вещи. Для гуманности всякое страдание есть зло. Она стремится ко всеобщему довольству. Христианская любовь поддерживает очистительное страдание и не признает гедонистический идеал. Социальное зло для христианства не главное. По отношению к нему христианство склоняется к практике оппортунизма и социального консерватизма. Верующее терпение не хочет стать жертвой провокации зла. Окончательная победа над страданием для христианства и не желательна. «Ибо не для счастья рожден человек, и не к счастью должен он стремиться, но к духовному росту, который совершается лишь путем борьбы, страданий, испытаний. Не счастье, но блаженство, духовная радость, не сонное благополучие, но горение и парение духа способны насытить душу человека».¹⁸ Исторически гуманность появляется как секуляризация христианской этики.

Э Фромм также критикует гедонизм как жизненную установку. «Принимая во внимание человеческую природу, можно сделать теоретический вывод, что радикальный гедонизм не может привести к счастью. Но и без теоретического анализа наблюдаемые факты с очевидностью свидетельствуют о том, что наш способ "поисков счастья" не приводит к благоденствию. Наше общество состоит из заведомо несчастных людей - одиноких, вечно тревожащихся и унылых, способных только к разрушению, постоянно ощущающих свою зависимость и радующихся, если им удалось как-то убить время, которое они постоянно стремятся сэкономить».¹⁹

В индустриально развитых странах достигнут высокий уровень жизни для большинства населения. К услугам людей имеется множество удовольствий. Однако подлинной радости, счастья мало.

¹⁸ Христианский социализм (С. Н. Булгаков): Споры о судьбах России. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. – С.231.

¹⁹ Фромм Э. Иметь или быть? – М.: Прогресс, 1990 – 13-14 с.

Э. Фромм противопоставляет счастье не грусти, а подавленности. «Обычный человек определяет счастье как душевное состояние, свободное от грусти или печали. Однако такое определение показывает, что в этом понимании счастья есть что-то глубоко неправильное. Живой, чувствующий человек непременно не раз за свою жизнь испытывает грусть и печаль. Это происходит не только в результате многочисленных лишних страданий, причиняемых несовершенством нашего общественного устройства, но и вследствие природы человеческого существования, исключающей возможность реагировать на жизненные проявления без особых огорчений и переживаний. Поскольку мы живые существа, нам приходится с грустью осознавать неизбежность разрыва между нашими устремлениями и тем, чего можно достичь за нашу короткую, полную превратностей жизнь. Как же мы можем избежать страданий и печали, если нас ожидает смерть, и при этом неминуемо либо мы умрем раньше, чем наши любимые, либо они раньше нас; если мы ежедневно видим вокруг себя страдания, как неизбежные, так и необязательные и излишние? Попытаться избежать страданий можно лишь в том случае, если мы умерим свою чувствительность, ответственность и любовь, если сердца наши зачерствеют и мы отвлечем свое внимание и чувства от других людей, как, впрочем, и от самих себя».²⁰

Таким образом, Э. Фромм принимает тот факт, что страдание в жизни человека неизбежно, и в жизни каждого человека есть трагическая сторона.

Настоящее счастье - это переживание полноты бытия. Счастье возникает вследствие ощущения плодотворности своего существования, в результате использования сил любви и разума, объединяющих нас с миром. Счастье - это состояние напряженной внутренней работы и ощущение возрастания жизненной энергии, которое происходит при продуктивном отношении к миру и к самим себе.

Интересное сходство обоих мыслителей мы можем отметить и в трактовке истории. С. Булгаков считает, что историческое рождение человека есть некое и самосотворение человека. «Последний не только рождается тем или иным, но он становится самим собой лишь чрез свободное свое произволение, как бы изъявляя согласие на самого себя, определяя свое собственное существо. Человек есть свободный исполнитель своей темы, и это осуществление себя, выявление своей данности – заданности, раскрытие своего существа, осуществление в себе своего собственного подобия и есть творчество, человеку доступное».²¹ Его творчество есть одновременно самотворчество, саморождение. Человеческая история есть рождение и вместе с тем творческое самозарождение человечества. Грехопадение внесло в этот процесс трагический элемент. Нельзя видеть в истории преду-

²⁰ Фромм Э. Здоровое общество// Фромм Э. Мужчина и женщина. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. – С. 308.

²¹ Булгаков С. Н.: Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994 – С.303.

готовленное торжество прогресса. С. Булгаков в «Свете невечернем», в конце концов, трактует историю как неудачу. Она не может завершиться только человеческой силой. С. Булгаков предвидит апокалиптическую развязку мировой истории.

Э. Фромм склонен трактовать жизнь отдельного человека и человеческого рода в целом как процесс рождения. Смысл истории – рождение человека в полном смысле слова. Борьба прогрессивных и регрессивных тенденций пронизывает жизнь человека, между стремлением к достижению человеческого бытия и стремлением возвратиться к природе.

«Рождение человека началось с появления первых представителей вида homo sapiens, а история человечества - это не что иное, как весь процесс этого рождения. Человеку понадобились сотни тысяч лет для того, чтобы вступить в человеческую жизнь. Он прошел нарциссическую стадию, для которой характерна вера во всемогущество магии, стадию тотемизма, поклонения природе, прежде чем в нем начали формироваться совесть, объективность, братская любовь. За последние четыре тысячи лет своей истории он выработал представления о человеке, родившемся и пробудившемся в полной мере. Эти представления были изложены (без заметных различий) великими учителями человечества в Египте, Китае, Индии, Палестине, Греции и Мексике».²²

Апокалиптические настроения не чужды и Э. Фромму: «Многие люди -- ученые, а не религиозные фанатики (за исключением организации «Свидетели Иеговы») - убеждены в том, что мир приближается к окончательной катастрофе. Это разумное и научно обоснованное мнение».²³

Небезынтересно отметить некоторое сходство идей обоих мыслителей относительно роли религии в жизни человека. Согласно С. Булгакову религиозность является необходимым условием осмысленной человеческой жизни. Грехопадение как религиозная катастрофа отделила человека от Бога. Бог стал трансцендентным, недоступным непосредственному общению. Чувство отъединенности человека от Бога отчасти преодолевается в религии.

С. Булгаков отмечает усилия современного ему культурного человечества устроиться без Бога, умертвить Бога. Однако похороны Бога оборачиваются в похороны самих похоронщиков: «хороня Бога в своем сознании, они вынуждены хоронить божественное в свое душе, а божественное есть действительная, реальная природа человека».²⁴ Булгаков пишет: «Человек рожден для вечности и слы-

²² Фромм Э. Здоровое общество// Фромм Э. Мужчина и женщина. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. – С. 150.

²³ Фромм Э. Иметь или быть? – М.: Прогресс, 1990 – С.63.

²⁴ Христианский социализм (С. Н. Булгаков): Споры о судьбах России. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. – С.112.

шит в себе голос вечности, он слышит его тонким ухом своих величайших мыслителей, ученых и поэтов, своих чистым сердцем праведников, творческим гением своих художников. Жить во времени для вечности, переживать в относительном абсолютное и стремиться дальше всякой данности, дальше всякого данного содержания сознания, *excelsior*, всегда *excelsior*, к этому призван человек, и это стремление *excelsior* само говорит о Том, Кто живет *in excelsior*, есть живое богооткровение в нас».²⁵ Он переживает в относительном абсолютное, стремясь выше любого относительного содержания сознания. Это стремление есть откровение Бога в нас. Жажда высшего содержания жизни рождает религиозную веру. «Сам для себя человек потому и не может стать абсолютным, самодовлеющим, что он никогда не удовлетворится собой, своим данным состоянием, если только не ниспадет в низменную животность и не уподобится в действительности неосмысленной твари».²⁶

Э. Фромм во многом преодолевает негативное отношение гуманизма к религии. Религия, по Э. Фромму, любая система взглядов и действий, которой придерживается какая-либо группа людей и которая служит индивиду схемой ориентации и объектом поклонения. По его мнению, религиозная потребность коренится в условиях существования человека как вида. Людям нужна система ориентации и поклонения, чтобы выжить.

Для Э. Фромма религиозная проблема - это не проблема бога, но проблема человека; религиозные формулировки и символы являются попыткой выразить определенные виды человеческого опыта. Важна здесь сама природа данного опыта.

Э. Фромм предлагает отвлечься от догматов разных религий, которые разделяют людей, и обратиться к тому общему, что несет религиозный опыт, понимаемый, однако, весьма расширительно. Он включает в себя индийский религиозный опыт, христианский и еврейский мистицизм, пантеизм Спинозы.

Один из аспектов религиозного опыта - удивление, изумление, осознание жизни и собственного существования, загадка человеческого отношения к миру. Еще одна черта - крайняя озабоченность смыслом жизни, самоосуществлением человека, выполнением задачи, которую ставит перед ним жизнь. Эта крайняя забота отодвигает на второй план все желания и цели, не способствующие благосостоянию души и осуществлению своего Я; в сущности, они оказываются незначимыми по сравнению с целями этой крайней заботы. Она с необходимостью исключает разделение священного и мирского, потому что мирское подчинено ей и формируется с ее помощью.

²⁵ Христианский социализм (С. Н. Булгаков): Споры о судьбах России. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. – С.113.

²⁶ Там же.

Кроме удивления и заботы в религиозном опыте имеется третий элемент, о котором яснее всего писали мистики. Это - единство, не только с собой и не только с другими, но со всей жизнью и, более того, со Вселенной.

В другой книге²⁷ Э. Фромм называет такой опыт X-опытом.

Характерным составляющим данного опыта является то, что жизнь познаётся как проблема, как «вопрос», который требует ответа. Для X-опыта есть чётко определённая иерархия ценностей. Высшей ценностью является оптимальное развитие собственных возможностей ума, любви, сострадания и силы духа. Для X-человека человек является только целью, и никогда средством для достижения цели. Кроме того, его основная жизненная позиция состоит в том, чтобы на всё происходящее реагировать с позиции - способствует ли его поведение увеличению его гуманности или нет.

X-опыт можно также обозначить как опыт трансцендентности. Однако Э. Фромм понимает трансцендентность как человеческом феномен, как выход за пределы собственного Я, преодоление оков собственного эгоизма и изоляции. Понимание этой трансцендентности как направленной на Бога зависит лишь от формулировки понятий. X-опыт характеризуется уменьшением – а в совершенной его форме – исчезновением нарциссизма.

Гуманистическая религия в отличие от авторитарной избирает центром человека и его силы. Человек должен развить свой разум, чтобы понять себя, свое отношение к другим и свое место во Вселенной. Он должен постигнуть истину, сообразуясь со своей ограниченностью и своими возможностями. Он должен развить способность любви к другим, как и к себе, и почувствовать единство всех живых существ. Он должен обладать принципами и нормами, которые вели бы его к этой цели. Заповедь "Люби ближнего твоего, как самого себя" (Рим. 13: 8) является, с очень незначительными вариациями в формулировке, основным принципом, общим для всех гуманистических религий.

В случае если гуманистические религии теистичны, бог, согласно Э. Фромму, в них является символом сил самого человека, реализуемых им в жизни, а не символом насилия и господства, не символом власти над человеком.

Э. Фромм Бога как символ человеческих способностей. «Бог подобен горизонту, ставящему предел нашему взгляду. Наивному уму он представляется чем-то реальным, чем-то, что можно потрогать; однако заниматься поисками горизонта - значит искать миражи».²⁸

С. Булгаков стремится работать в русле традиционной православной религии. Однако он стремится к ее реформе. В частности, он прилагал немалые уси-

²⁷ Erich Fromm «Ihr werdet sein wie Gott. Eine radikale Interpretation des Alten Testaments und seiner Tradition». - Deutscher Taschenbuch Verlag. September 2008.

²⁸ Фромм Э. Психоанализ и религия// Фромм Э. Иметь или быть? – М.: Прогресс, 1990 – 305 – 306 с.

лия для создания экуменического христианства. В этом сказалась его универсалистская установка. Но она не распространялась на гуманизм, восточные религии, иудаизм и пр. Кроме того, С. Булгаков попытался изменить учение православной церкви, введя в ее догматику новый догмат о Софии. Однако данное начинание было неодобрительно встречено другими приверженцами традиционной православной веры. Одним из главных упреков в адрес С.Булгакова было то, что он слишком уж возвышает человека. «Софиология о. С.Булгакова, превращающая обоженье человека из конечной цели, к которой он призван, в некую изначальную данность, приводит к статической системе, построенной на антропоцентризме»... «Божественность» человека предполагает «человечность» Бога.²⁹

Мы видим большое сходство таких разных по происхождению и по духовным традициям мыслителей и в критике традиционного христианства, и в положительной оценке гуманизма, что не отрицает в тоже время и констатации недостатков этого направления. Оба мыслителя приходят к выводу о неопределимости человеческой личности только социальной средой, о противоречивости человеческой природы, о некоем сверхприродном элементе в ней, о творческом начале в человеческой природе. Оба рассматривают смысл истории и смысл жизни отдельной личности как процесс самосозидания, реализации потенций человеческой природы в борьбе с силами, тянущими человека вниз. Оба рассматривают в качестве нормы отношений между людьми отношения любви, внутреннего единения, братства. Оба относятся критически как к государству, бюрократическому централизму, так и к любой форме эксплуатации людей, в частности, капитализму. Оба рассматривают в качестве желанного типа общественного устройства демократический социализм. Оба придают важное значение религиозному фактору в человеческой жизни.

С. Булгаков писал о возможности богочеловеческого гуманизма, гуманизма с Христом, а не против Христа. Нам кажется, что в некоторых отношениях, гуманизм Э. Фромма приближается к такой форме гуманизма. С другой стороны, мы видим, что, благодаря софиологии, христианская мысль становится способной признать и вобрать в себя правду гуманизма. Представляется, что с онтологической точки зрения философия богочеловечества более обоснована, чем философия атеистического гуманизма. Неясным остается у Э. Фромма сама возможность появления человека с его разумом, свободой, духовными запросами в результате стихийной естественной эволюции. Кроме того сам феномен личности в его работах оказался философски не фундирован. В творчестве С. Булгакова ярко проявилась универсалистская установка как проявление всемирной отзывчивости русской культуры.

²⁹ Лосский В. «Спор о Софии. Статьи разных лет. Издательство Свято-Владимирского Братства, М., 1996// http://www.hesychasm.ru/library/losski/ls_sofia.htm